

Достаточно часто суды, разрешая конкретные дела, полагают, что для возникновения права достаточно вселиться и прожить в жилом помещении непродолжительный период времени (от одного дня). Дальнейшее выбытие из жилого помещения и отсутствие потребности в проживании не имеет никакого юридического значения. Кроме того, вызывает сожаление то обстоятельство, что справедливые положения Концепции развития гражданского законодательства о вещных правах о том, что непроживание в жилом помещении влечет прекращение соответствующего вещного права (узуфрукт) на жилое помещение не были восприняты проектом федерального закона о внесении изменений в ГК РФ. В статьях, посвященных основаниям прекращения узуфрукта, указанное основание сохранено не было.

Преодолеть указанную судебную практику и формирующееся законодательство в данной области не так трудно, если более вдумчиво подойти к разъяснениям, содержащимся в затрагиваемом постановлении Конституционного Суда. В данном документе речь идет лишь о «временном отсутствии», как основании недопустимости лишения права, что не исключает возможности прекратить право лица в случае его постоянного выбытия. В частности, итоговое решение таково: «...Признать положения... допускающие лишение гражданина... права пользования жилым помещением в случае временного отсутствия, не соответствующими статьям 40 (часть 1) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации». Более того, такая «постоянность» может иметь индивидуальные рамки в зависимости от правового основания проживания в жилом помещении

(например, при его срочности или бессрочности). Определенные тенденции в этом направлении уже намечаются в судебной практике, когда суды признают лиц утратившими права пользования жилыми помещениями, отмечая, что «граждане, не проживая в жилом помещении на протяжении длительного срока, сохраняют в нем регистрацию, то есть злоупотребляют своим правом, что недопустимо в силу п. 1 ч. 1 ст. 10 ГК РФ»¹⁰.

В завершение следует отметить, что в последние годы наметилась тенденция анализировать отраслевую специфику проблем, связанных со злоупотреблением правом. Так, в частности, исследователи анализируют проблемы злоупотребления правами в семейном, налоговом, трудовом праве¹¹. Такие особенности обнаруживаются и при анализе отношений, складывающихся в жилищной сфере, что предопределено их спецификой, множественностью участников, социальной значимостью жилого помещения как объекта жилищных прав. На часть таких особенностей было обращено внимание в рамках данной работы.

¹⁰ Астафьева О.А. Злоупотребление жилищными правами / Солнечный районный суд Хабаровского края. URL://solnechniy.hbr.sudrf.ru

¹¹ Матанцев Д.А. Категория злоупотребления правом в гражданском и семейном законодательстве и доктрине Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012. 23 с. ; Офман Е.М. Злоупотребление правом субъектами трудовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2006. 189 с. ; Фоминова Н.А. Злоупотребление правом в налоговых правоотношениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 25 с.

Злоупотребление субъективным правом в гражданском праве Украины

УДК 347.122

Кот Алексей Александрович,
управляющий партнер юридической фирмы «АНТИКА» (Киев, Украина),
кандидат юридических наук
akot@antikalaw.com.ua

Проблема злоупотребления субъективными правами всегда была актуальной для юридической науки. Так, В.П. Грибанов справедливо отмечал, что в правовой литературе существует различное отношение к самому понятию «злоупотребление правом». Сам же автор считал, что «понятие «злоупотребление правом» может быть использовано лишь тогда, когда управомоченный субъект обладает определенным субъективным правом»¹.

Полагаем, что началу анализа проблемы злоупотребления субъективным правом должно предшество-

вать определение самого термина «субъективное право», которое будет использоваться для целей нашего исследования.

В теории гражданского права превалирует мнение о том, что субъективное гражданское право не может существовать вне правоотношения². Весьма точно по

¹ Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000. С. 43.

² См., в частности: Сулейменов М.К. Субъективное гражданское право и средства его обеспечения в Республике Казахстан // Субъективное гражданское право и средства его обеспечения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти Ю.Г. Басина (в рамках ежегодных цивилистических чтений). Алматы, 13–14 июня 2005 г. / отв. ред. М.К. Сулейменов. Алматы : НИИ частного права КазГЮУ, 2005. С. 6.

этому поводу в свое время высказались О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский: «Субъективное гражданское право, взятое вне правоотношения, исключенное из него, превращается в ничто, в «социальный нуль». Вот почему исследование субъективных прав, как и противостоящих им обязанностей, только при том условии может привести к положительным результатам, если эти категории будут рассматриваться как элементы правоотношения, как его юридическое содержание»³.

И с этим мнением трудно не согласиться. Ведь именно субъективные права и корреспондирующие им обязанности участников гражданского правоотношения и составляют его содержание.

В юридической науке существует множество определений термина «субъективное гражданское право». С точки зрения теории правоотношения, на наш взгляд, следует согласиться с определением, предложенным О.С. Иоффе, который считал, что «субъективное право есть прежде всего средство регулирования поведения людей, осуществляемого объективными нормами права»⁴.

С практической точки зрения для целей данного исследования представляется оправданным основываться на определении субъективного гражданского права, сформулированном В.С. Емом в развитии ранее высказанной позиции В.П. Грибанова⁵: «Субъективное гражданское право есть мера дозволенного поведения субъекта гражданского правоотношения. Субъективное гражданское право — сложное юридическое образование, которое состоит из юридических возможностей, предоставленных субъектом». Раскрывая данное определение, В.С. Ем называет такие возможности правомочиями и утверждает, что «в любом случае такое право (субъективное гражданское право. — А.К.) является результатом разновариантных комбинаций трех правомочий:

- 1) правомочия на собственные действия, означающего возможность самостоятельного совершения субъектом фактических и юридически значимых действий;
- 2) правомочия требования, представляющего собой возможность субъекта требовать от обязанного субъекта исполнения возложенных на него обязанностей;
- 3) правомочия на защиту, выступающего в качестве возможности субъекта использовать различные меры защиты или требовать использования государственно-принудительных мер в случаях нарушения субъективно-права»⁶.

Возвращаясь к основной проблеме данного исследования — вопросу злоупотребления субъективным

правом, — необходимо признать наличие в науке продолжающейся и сегодня дискуссии по поводу различного понимания самого термина «злоупотребление правом» и правовой природы данного явления. Как отмечает О.А. Поротикова, «в длительной дискуссии по проблеме надлежащего осуществления субъективных прав основные акценты сместились с исследования специфического черта злоупотребления правом как гражданско-правового деликта на принципиальный вопрос, имеет ли словосочетание «злоупотребление правом» смысловое наполнение или является чем-то надуманным, бессодержательным»⁷.

В частности, выделяют две основные точки зрения: злоупотреблением правом признается осуществление субъективного права вразрез с принципами добросовестности и иными морально-этическими критериями или же злоупотребление правом рассматривается как гражданское правонарушение (деликт)⁸.

Представляется целесообразным остановиться именно на анализе специфических законодательных особенностей регулирования института злоупотребления субъективным правом в гражданском праве Украины, поскольку именно законодательные положения во многом определяют правовую квалификацию термина «злоупотребление правом».

Гражданский кодекс Украины⁹ (далее — ГК Украины) использует термин «злоупотребление правом». В соответствии с ст. 13 ГК Украины гражданские права лицо осуществляет в пределах, предоставленных ему договором или актами гражданского законодательства. При осуществлении своих прав лицо обязано воздерживаться от действий, которые могли бы нарушить права других лиц. Данная статья прямо указывает на то, что не допускаются действия лица, совершаемые с намерением причинить вред другому лицу, а также *злоупотребление правом* в иных формах.

Полагаем, что в данной норме ГК Украины отражен общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом. Указанный принцип представляет собой «требование к субъектам не выходить за пределы права в процессе исполнения обязанностей и реализации прав, реализовывать свои права надлежащим образом»¹⁰. При этом само возникновение и существование в гражданском праве Украины указанного принципа недопустимости злоупотребления правом наряду с принципами справедливости, добросовестности и разумности связано прежде всего с объективной невозможностью законодательно установить конкретные пределы осуществления гражданских прав. С этим связывается значение и основная функция принципа недопустимости

³ Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 229.

⁴ Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л.: Ленинградск. ун-т, 1949. С. 52.

⁵ В.П. Грибанов отмечал, что всякое субъективное право — это не только мера возможного поведения, но также и мера поведения, дозволенного управомоченному лицу законом. См.: Грибанов В.П. Указ. соч. С. 44.

⁶ Российское гражданское право: учебник: в 2 т. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / отв. ред. Е.А. Суханов. М.: Статут, 2010. С. 113.

⁷ Поротикова О.А. Проблема злоупотребления субъективным гражданским правом. 2-е изд., испр. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2008. С. 126–127.

⁸ См., в частности: Курбатов А., Подмаркова А. Недопустимость злоупотребления правом как общеправовой принцип реализации прав // Хозяйство и право. 2009. № 2. С. 107.

⁹ Цивільний кодекс України. Прийнятий Верховною Радою України 16 січня 2003 р. // Офіційний вісник України. 2003. № 11. Ст. 461.

¹⁰ Вавилин Е.В. Осуществление и защита гражданских прав / Российская акад. наук, Ин-т государства и права. М.: Волтерс Клувер, 2009. С. 275.

злоупотребления правом: по мнению ученых, данный принцип направлен на создание условий для реагирования на конкретные действия определенных лиц, когда выявлено, что они нарушают законные интересы, но законом такие действия прямо не запрещены¹¹.

Подход к определению пределов осуществления гражданских прав отнюдь не нов для гражданского законодательства стран СНГ. Аналогичные нормы содержатся практически во всех Гражданских кодексах государств — участников Содружества. Тем не менее в силу различных формулировок мы не можем утверждать о единообразии правового регулирования данного вопроса в законодательстве стран СНГ, даже несмотря на тот факт, что большинство Гражданских кодексов на постсоветском пространстве принималось на базе Модельного гражданского кодекса¹².

В связи с этим считаем полезным провести правовую анализ положений ГК Украины, запрещающих злоупотребление гражданским правом в контексте существующей дискуссии о правовой квалификации данного явления.

Можно ли квалифицировать злоупотребление правом в качестве деликта — гражданского правонарушения? Состав деликтного правоотношения не отличается от состава любого другого правоотношения: субъект, объект и его содержание. Субъектами в нашем случае будут управомоченное лицо и лицо, чьи права могли быть нарушены в результате злоупотребления правом. Объектом могут служить имущественные ценности или неимущественные блага, которые в результате злоупотребления правом подверглись негативному воздействию. Содержанием же такого правоотношения, возникшего в связи со злоупотреблением субъективным гражданским правом, как и в любом другом деликтном правоотношении, будет право потерпевшего требовать восстановления его прав (компенсации вреда) и корреспондирующая этому праву обязанность причинителя совершить указанные действия.

Основанием возникновения деликтного правоотношения (одновременно выступающим основанием возникновения деликтной ответственности) является совокупное наличие четырех элементов: ущерба, противоправности действий, причинной связи между противоправными действиями и причиненным ущербом и вины.

Представляется, что вопрос с наличием такого элемента, как ущерб, не возникает — ущерб объективно должен иметь место для возникновения обязанности его возместить. Если же ущерба нет — нет оснований и для возникновения деликтных правоотношений.

Противоправность является одним из элементов гражданского правонарушения, существование которого в случае злоупотребления правом на первый взгляд бесспорно. Ведь управомоченный субъект реализует свои субъективные гражданские права, прямо предоставленные ему законом (даже принимая во

внимание тот факт, что избранная субъектом форма реализации указанных прав нарушает права других участников гражданских правоотношений). С другой стороны, важно помнить, что противоправность проистекает из запрета злоупотребления субъективными правами, закрепленного в ст. 13 ГК Украины. Полагаем также, что злоупотребление субъективным гражданским правом следует рассматривать и как нарушение принципа добросовестности, прямо закрепленного в ст. 3 ГК Украины. Таким образом, злоупотребление субъективным правом выходит за пределы дозволенного законом поведения, и соответственно его следует считать противоправным в связи с нарушением ряда норм-принципов гражданского права.

Причинная связь между действиями субъекта и ущербом также, как правило, очевидна. Причинная связь, как и ущерб, является необходимым условием возникновения деликтных правоотношений. Иными словами, в случае, если ущерб не связан с действиями, квалифицируемыми в качестве злоупотребления правом, нет оснований для возникновения деликтного правоотношения.

Вина как субъективное отношение причинителя вреда (в нашем случае — управомоченного субъекта) к собственным действиям или наступившим последствиям своих действий может существовать в нескольких основных формах. Если причинитель действовал сознательно (в частности, понимая неправомерность своих действий) и желал наступления неблагоприятных для другого субъекта последствий, можно вести речь о наличии вины в форме умысла.

Следует признать, что на практике не так часто встречаются случаи, когда злоупотребление субъективным правом осуществляется с единственным намерением причинить вред другому лицу (шикана), как и случаи, когда такое намерение является хотя бы основной целью действий управомоченного субъекта, реализующего свои субъективные гражданские права¹³.

Намного чаще на практике встречаются случаи, когда причинение вреда другому лицу не является намерением, а лишь сопровождает злоупотребление правом. У управомоченного лица может быть вполне легальная цель, которую он преследует, реализуя свое субъективное право. Очевидно, говорить об умысле здесь уже нельзя — при этом вина в действиях управомоченного субъекта будет существовать в форме неосторожности.

Таким образом, вопрос о возможности квалификации злоупотребления правом в качестве деликта напрямую зависит от наличия в действиях управомоченного субъекта, который злоупотребил своим правом, оснований для его привлечения к деликтной ответственности.

Не исключаем, что указанный вопрос может быть разрешен и путем установления в законе нового состава деликтного правонарушения или же законодательной квалификации действий субъекта, злоупотребляющего своим субъективным правом, в качестве противоправных.

¹¹ См., в частности: Курбатов А., Подмаркова А. Указ. соч. С. 106.

¹² Имеется в виду Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт Содружества Независимых Государств. Часть первая // Приложение к Информационному бюллетеню. Межпарламентская Ассамблея государств — участников Содружества Независимых Государств. 1995. № 6.

¹³ В качестве примера шиканы И.А. Покровский приводил случай постройки назло соседу: я строю на границе своего участка высокую стену с исключительной целью лишить света окна вашего дома. См. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут [в серии «Классика российской цивилистики»], 1998. С. 113.

Оценивая природу злоупотребления правом в гражданском праве Украины, следует отметить, что в соответствии со ст. 3 ГК Украины одним из основополагающих начал гражданского законодательства является принцип справедливости, добросовестности и разумности. Как отмечает А.В. Волков, даже на теоретическом уровне лишь немногие российские ученые-цивилисты выделяют принцип добросовестности, равно как и принцип недопустимости злоупотребления правами в качестве гражданско-правовых принципов¹⁴. Очевидно, данная научная позиция была обусловлена отсутствием до последнего времени в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) законодательно закрепленного принципа добросовестности¹⁵.

Наличие в ГК Украины соответствующей нормы, закрепляющей принцип справедливости, добросовестности и разумности, а также фиксация в ч. 4 ст. 13 ГК Украины обязанности субъекта гражданских пра-

воотношений соблюдать моральные устои общества позволяет утверждать, что в гражданском праве Украины (даже в случае признания отсутствия состава гражданского правонарушения) действия, направленные на осуществление субъективного права в нарушение или в противоречие принципа справедливости, добросовестности и разумности, могут быть квалифицированы как злоупотребление правом.

Вместе с тем для обеспечения юридической возможности возмещения ущерба, причиненного в результате злоупотребления правом, считаем, что с учетом закрепленных в законе принципов добросовестности и недопустимости злоупотребления субъективным правом как основополагающих начал гражданского права, на уровне судебной практики есть все основания для формирования позиции о том, что противоправность действий управомоченного субъекта прямо проистекает из запрета злоупотребления субъективными правами, закрепленного в ст. 3, 13 ГК Украины и ст. 1, 10 ГК РФ.

На наш взгляд, такой подход в полной мере будет соответствовать функциям, которые сегодня возлагаются на гражданское право. Ведь, как писал И.А. Покровский, «современное гражданское право как бы говорит человеку: если тебе позволено быть в определенных пределах эгоистом, то это не значит, что ты можешь быть злым: *malitiis non est indulgendum*»¹⁶.

¹⁴ А.В. Волков называет принцип недопустимости злоупотребления правом «фактически неписаным правилом-принципом». См.: Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : монография. М. : Волтерс Клувер, 2009. С. 206–209.

¹⁵ Следует отметить, что в соответствии с Федеральным законом от 30 декабря 2012 г. № 302-ФЗ «О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 Гражданского кодекса Российской Федерации», который вступает в силу с 1 марта 2013 г., ст. 1 ГК РФ закрепила обязанность участников гражданских правоотношений действовать добросовестно.

¹⁶ Покровский И.А. Указ. соч. С. 119.

УДК: 347.436; 347.746

Совпадение в одном лице авалиста и векселедержателя как условие прекращения вексельного обязательства с участием индоссантов

Уруков Владислав Николаевич,
 проректор по науке, профессор кафедры юриспруденции
 Межнационального гуманитарно-технического института (МГТИ),
 кандидат юридических наук, профессор,
 заслуженный юрист Чувашской Республики
 (г. Чебоксары)

Вексельное право предусматривает специальные способы обеспечения исполнения вексельного обязательства — аваль (вексельное поручительство). Институт вексельного поручительства играет важную роль в обеспечении оборотоспособности векселя, поскольку посредством аваяля дается поручительство за любое обязанное по векселю лицо, тем самым резко возрастает надежность ценной бумаги. Нормы аваяля прописаны в главе IV Положения о переводном и простом

векселе¹ (далее — Положение), в соответствии со ст. 30 которого платеж по переводному векселю может быть обеспечен полностью или в части вексельной суммы посредством аваяля. Причем это обеспечение дается

¹ Положение о простом и переводном векселе (утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1937 г. № 104/1341) // Собр. законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства СССР. 1937. №52. Ст. 22.